

ОПУСТОШЕНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII И НАЧАЛЕ XVIII в.

А. И. БАРАНОВИЧ

Большая часть Украины находится в степной и предстепной полосах Восточной Европы. Со времен Киевской Руси эта территория претерпела наибольшие опустошения — в XIII в., когда древнерусское Поднепровье было разорено Золотой ордой; в конце XV — первой половине XVI в., подвергаясь неоднократным вторжениям крымских татар; во время войн второй половины XVII — начала XVIII в., от которых особенно пострадало Правобережье.

Вопрос о размерах этих опустошений, о способах и сроках последующего восстановления разрушенных населенных пунктов и хозяйства края, а также о составе новых поселенцев, является одной из важнейших проблем истории Украины периода феодализма. Дворянские и буржуазные историки обычно считали, что в результате военных действий степная и предстепная части Украины целиком превращались в «дикое поле», «пустыню» — край, совершенно лишенный оседлого населения, так как все уцелевшие и не попавшие в плен жители уходили в северные и западные районы, где скрывались среди лесов, болот, в горах. Эти историки утверждали, что после каждого такого бедствия в течение многих десятилетий, а иногда и веков происходило новое заселение запустевших областей, причем поселенцы наново создавали города и села, хозяйства. По их мнению, сменяющие друг друга процессы опустошения и восстановления были основным содержанием истории украинского народа. Украинский буржуазно-националистический историк М. С. Грушевский писал, что «борьба со степью на протяжении веков отнимала всю энергию народа». Он пытался обосновать свое утверждение об отсутствии у украинского народа классовой борьбы «колониционными и экономическими колебаниями», которые не позволяли «затвердеть ни общественным, ни политическим отношениям»¹.

С нашей точки зрения, дворянская и буржуазная историография значительно преувеличивала масштабы опустошений Украины. Выступая по этому вопросу против шляхетских и буржуазных польских историков, М. Ф. Владимирский-Буданов еще в 1880 г. доказал, что после страшного разорения Поднепровья в 1240 г. «край отнюдь не остался после татар пустынею»².

Ранее мы уже доказывали, что предстепная Украина вовсе не была пустынной и в середине XVI в.³ В данной статье автор пытается доказать, что представления о пустынности Правобережья и во второй половине XVII — начале XVIII в. также весьма преувеличены.

* * *

Разумеется, нельзя отрицать тот факт, что опустошения, которым подверглось Правобережье в указанное время, были огромны.

Войска Крымского ханства на протяжении полувека почти ежегодно проходили по Правобережной Украине, грабя и уничтожая все на своем пути: сначала они выступали как «союзники» восставшего против ига панской Польши народа, после воссоединения Украины с

¹ М. Грушевський. Історія України — Руси, т. I, Київ, 1913, стр. 15.

² «Архив Юго-Западной России» (Далее АЮЗ), ч. VII, т. I, Киев, 1886, предисл., стр. 35.

³ А. И. Баранович. Население предстепной Украины в XVI в. «Исторические записки», т. 32, стр. 198—232.

Россией — как союзники панской Польши, всегда — как вассалы пытавшегося поработить Украину турецкого султана.

Более четверти века вела войну за захват Украины султанская Турция; ее войска неоднократно совершали походы на Украину, во время которых зверски разоряли страну. В 1674 г., например, они взяли штурмом Ладыжин, Умань и другие города.

Большие опустошения производили, подавляя восстания украинского народа, войска Речи Посполитой⁴.

По данным В. И. Пичеты, подытожившего последствия грабежей армии Речи Посполитой в Русском воеводстве, в 13 деревнях до 1648 г. было 3373 крестьянских хозяйства, а после освободительной войны — 1591, т. е. 47%; до войны в 162 деревнях было 1373 оседлых лана, после войны их осталось всего 278⁵.

Присутствием на Украине армии Речи Посполитой, грабившей население и тем лишавшей владельцев имений их доходов, тяготились сами хозяева ее феодалы Речи Посполитой. В 1669 г. сеймик Волынского воеводства протестовал против того, что части польской армии «становятся обозами без всякой нужды посреди воеводства, на последнюю гибель нашу»⁶. В 1675 г. шляхта Волынского воеводства требовала от своих послов на сейм борьбы «против жестокостей дикого солдата»⁷.

О запустении Волыни уже в 1653 г. заявлял сеймик этого воеводства: «Где раньше были города и деревни, там теперь царствует несчастный куколь и бесплодные сорняки»; «имения наши местами совершенно пустынные, местами — по несколько хлопков»⁸.

В последующие годы число документов, свидетельствующих об опустошении Правобережной Украины, все более возрастает. Многие современники оставили описания несчастья, постигшего страну⁹.

Исходя из документальных данных, исследователи заключили, что в конце XVII — начале XVIII в. Правобережная Украина была пустыней, совсем лишенной населения¹⁰.

Дворянские и буржуазные историки, признавая безусловным фактом превращение к концу XVII в. Правобережья в пустыню, спорили между собой лишь о том, каким способом эта «пустыня» была вновь заселена.

Польские шляхетские и буржуазные историки, объявлявшие основной причиной разорения и обезлюдения Украины во второй половине XVII в. освободительную войну украинского народа против магнатско-шляхетской Польши¹¹, утверждали, что средства для возрождения хозяйства украинское население, переселявшееся на опустошенные земли востока, севера и северо-запада Украины, получало от польских феодалов¹².

⁴ См., напр., Самійло Величко. Сказаніє о войнѣ козацкой з поляками, Київ, 1926, стр. 70—71; «Памятники, изданные Киевской комиссией для разбора древних актов», т. III, Киев, 1898, стр. 175.

⁵ В. Пичета. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии, М., 1940, стр. 83—84.

⁶ АЮЗ, ч. II, т. II, Киев, 1888, стр. 272.

⁷ Там же, стр. 346.

⁸ Там же, т. I, Киев, 1861, стр. 442—443.

⁹ Самійло Величко. Указ. соч., стр. 2—3.

¹⁰ П. Кулиш. Записки о Южной Руси, т. I, СПб., 1856, стр. 83—87; K. Szajnocha. Szkice historyczne, t. II, Warszawa, 1881, s. 335; Н. И. Костомаров. Собр. соч., т. XVI, СПб., 1905, Мазепа и мазепинцы, стр. 493—494; АЮЗ, ч. III, т. II, Киев, 1868, предисловие В. Антоновича, стр. 19; там же, ч. VI, т. II, Киев, 1870, его же, предисловие, стр. 31; А. Я. Ефименко. Очерки истории Правобережной Украины. Южная Русь, т. I, СПб., 1905, стр. 98—99.

¹¹ K. Szajnocha. Указ. соч., стр. 335; Fr. Rawita-Gawroński. Historia ruchu hajdamackich, t. I, Brody, 1913, s. 149.

¹² Jan Rutkowski. Zarys gospodarczych dziejów Polski w szasach przedrozbiorowych, Poznań, 1929, s. 143; Fr. Rawita-Gawroński. Указ. соч., стр. 160.

Для того, чтобы таким способом заселить обширную территорию «пустынной» Украины, естественно, нужны были очень большие ресурсы, которыми мелкие и средние феодалы не располагали. Поэтому, по словам польских шляхетских и буржуазных историков, заселение Украины осуществляли главным образом богатейшие феодалы-магнаты. Но для такой грандиозной колонизации денег не хватало и у магнатов, и они добывали их, собирая отовсюду ссуды¹³. При этом, стремясь скорее заселить край, местные феодалы на ряд лет освобождали новопоселенцев от повинностей. Село новопоселенцев, получивших «волю» («свободу») от повинностей, называлось волей или слободой, а сами крестьяне — вольными, слобожанами.

Таким образом, шляхетско-буржуазные историки, стремясь обосновать претензии польского дворянства на владение Правобережьем, пытались доказать, что польские феодалы-крепостники были не угнетателями украинского народа, а его благодетелями, возродившими разоренную в результате «безумных» народных восстаний Украину, не жалея своих средств.

Большинство украинских буржуазных историков со своей стороны отрицали помощь польского дворянства в заселении «пустынной» Украины. Они утверждали, что разоренный крестьянин, переселившись из мест, где феодальные повинности были велики, в места, где они временно отсутствовали, в результате дарованных на ряд лет «свобод» и получив там землю, без всякой помощи заводил хозяйство, даже становился зажиточным¹⁴. Значит, крестьянину для того, чтобы стать зажиточным, нужны лишь «земля и воля». Так украинские буржуазно-либеральные историки в страхе перед пролетарской революцией рядились в маску «народников».

Вся картина опустошения и заселения Правобережья в конце XVII—начале XVIII в., нарисованная как украинской, так и польской дворянской и буржуазной историографией, нам кажется мало вероятной. В ней мы видим больше боязни классовой борьбы, выступлений крестьян против помещиков, чем стремления выяснить действительные размеры и причины опустошения.

Прежде чем перейти к критике доводов дворянских и буржуазных историков, скажем несколько слов по поводу использованных ими источников, основную массу которых составляли описания современников. Современники, пораженные неслыханной даже в те времена грандиозностью опустошений, чрезвычайно сгущали краски. Кроме того, они писали в литературной форме того времени, часто прибегая к гиперболам. Благодаря всему этому они давали неверное изображение действительности.

В 1675 г. в инструкцию послам Волынского воеводства была вставлена записка Беневского об опустошении Волыни во время турецко-татарского нашествия 1672—1674 гг. Беневский писал, мешая латынь с польским: «Взгляну на... города — на Збараж, Вишневец, Тарнополь, Микулинцы, Подгайцы, Волочиск и др. — вижу там поле, где раньше была Троя. Рыдая, должен признать: и ты, краса городов, перестала существовать. Где были заселенные города, там живут обезьяны и воют там волки. Подолии не имеем, а на Украине местами птицы небесные и змеи»¹⁵. Конечно, сам Беневский и его читатели знали, что в окрестностях Збаража и Вишневца обезьяны не водятся, что это выражения, взятые у античных авторов; «там поле, где была Троя» — также трафаретный образ того времени. О каких же конкретных фактах говорит

¹³ Fr. Buja k. *Studja historyczne i spoleczne*, Lwów — Warszawa — Kraków, 1924, s. 74.

¹⁵ АЮЗ, ч. II, т. II, стр. 346.

¹⁴ М. С. Грушевський. *Ілюстрована історія України*, Київ, 1918, стр. 443.

Беневский этими риторическими фразами? О том, что ряд городов Во-лыни и к западу от нее разрушены. Полностью? Вряд ли. Если и полностью, то ненадолго. Вскоре мы их видим вновь. Выражение «Подолія не имеем» вовсе не значит, что Подолія перестала существовать; это значит только, что она «не наша» (по Бучачскому договору Подолія была отдана Турции). Даже Украина, по свидетельству Беневского, не вся «пустыня», а лишь «местами».

Величко при описании опустошений тоже прибегает к явным литературным преувеличениям. Он видел «пустые валы... подобные горам, бывшие прибежищем и обиталищем диким зверям». Валы тогдашних замков и городов называть горами можно лишь весьма относительно. В городах Чолгане (Теофиполе), Бердичеве, Старокопстантинове он наблюдал «каменные здания одни малолюдные, другие разрушенные, весьма пустые, к земле прильнувшие, заплесневелые, непотребным быльем поросшие и содержащие в себе только змей, разных гадов и червей». Что конкретно дает это описание? Только то, что в указанных городах население уменьшилось и есть разрушенные каменные здания.

Историки рисовали картину полного запустения, принимая без критики — на веру — все эти гиперболы, мало того, в свою очередь усиливая их. Так, описание А. Я. Ефименко пустынности Украины конца XVII — начала XVIII в. взято у современников. Она пишет: «От Корсу-ня и Белой Церкви на Во-лынь, по словам Величко, можно было видеть лишь безлюдные земли, высокие валы, которые были приютом диких зверей, а повалившиеся стены, покрытые мхом и поросшие бурья-ном, служили прибежищем гадов»¹⁶. Но ведь Величко не пишет, что видел лишь безлюдные замки; он пишет: «видел многие города и замки безлюдные». Далее он говорит о городах Бердичеве, Збараже, Константинове, Чолгане как о существующих, а в них о разрушенных и малолюдных каменных строениях¹⁷.

Помимо злоупотребления литературными преувеличениями, описания современников содержат и фактические ошибки. Большое значение историки придавали свидетельству о пустынности Украины в начале XVIII в. священника Лукьянова, который писал, что на протяжении пяти дней пути от Паволочи до Немирова он не встретил ни городка, ни села¹⁸. Однако в описании тракта из Киева в Немиров между Паволочью и Немировом упоминаются такие пункты, как Погребеще, Лен-ды (в подобных описаниях обычно отмечают только главные поселения)¹⁹. Почему Лукьянов их не увидел? Допустим, что Антонович прав и Лукьянов ехал по этому пути в 1702 г., а не позже²⁰. Допустим, что описание тракта составлено лишь в 1711—1712 гг. Но и в начале XVIII в. в Погребеще были «громада» и «сотник»²¹.

Нельзя полностью верить и заявлениям помещиков о пустынности населенных пунктов. Во-первых, заявления эти имели определенную цель, чаще всего — доказать невозможность уплаты налога, поэтому зачастую были ложными; во-вторых, заявления делали те владельцы, имения которых были опустошены, владельцы же сохранившихся имений молчали; наконец, термин «пустое имение» не всегда обозначает пустое село: он может обозначать либо то, что усадьба помещика пуста, либо что село весьма разорено.

¹⁶ А. Я. Ефименко. Указ. соч., т. I, стр. 98—99 (подчеркнуто автором.— А. Б.).

¹⁷ Самійло Величко. Указ. соч., стр. 2—3.

¹⁸ А. Я. Ефименко. Указ. соч., т. I, стр. 98; Н. И. Костомаров. Указ. соч., стр. 496.

¹⁹ А. А. Русов. Русские тракты в конце XVII и начале XVIII в., Киев, 1876, стр. 78.

²⁰ АЮЗ, ч. III, т. II, Предисл., стр. 111.

²¹ Там же, стр. 646—647.

По мнению дворянских и буржуазных историков, заселение «пустынных» областей происходило в первые десятилетия XVIII в. (Брацлавское и Подольское воеводства) вплоть до 1730 гг. (южная часть Киевского воеводства)²².

Однако заселение такого большого пространства за три или хотя бы даже за четыре десятилетия невероятно²³. В такое короткое время да еще из других областей Украины сюда не могли переселиться многие сотни тысяч людей²⁴.

Сторонники буржуазной теории «приливов и отливов» полагают, что такое огромное количество населения могло вернуться из тех мест, куда оно отхлынуло во второй половине XVII в., прежде всего «из Полесья, Волыни и более далеких областей»²⁵. Однако документы того времени отнюдь не говорят об изобилии населения в полесских, волынских и западноукраинских районах. В качестве примера возьмем восточную часть Полесья 1680 гг., куда должно было «отливать» население в первую очередь.

Инвентарь 1683 г. Ивановской волости, расположенной в северной части течения р. Тетерева, свидетельствует о наличии и здесь пустых сел — Труденичи, Термохи, Запрудье, Любча, Лавриновка, Витажев, Кондыров, Мелиховщина, Трыбуховщина²⁶. Для 1686 г. есть сведения об убыли населения в районе Народич (к юго-востоку от Овруча) и в Чернобыльской волости, где всего убыло 123 дыма²⁷.

Таким образом, за три года (последняя люстрация была здесь в 1683 г.) только в одной волости убыло 123 хозяина, что составляет минимум 600 человек. В Бородинской волости убыло 55 дымов, в Брагинской (к северу от Припяти) — 73 дыма, в Хойницкой (еще севернее) — 77²⁸. В 1691 г. Михаил-Теодор Елец заявил в Овручский грод об убыли населения с 1648 по 1691 г. в его имениях, находившихся в Полесье, к северу от Радомысля. По его словам, в 1648 г. в принадлежавших ему селах и местечках было 307 хозяев, а в 1691 г. — только 39²⁹. Даже если учесть, что помещик мог занижить число оставшихся хозяев, все же значительное сокращение населения несомненно.

Таким образом, Полесье в XVII в. тоже было очень опустошено и выделить много переселенцев не могло. В начале XVIII в. и здесь восстанавливались населенные пункты. В 1712 г. в тот же Овручский грод помещик Третьак внес заявление, подтвержденное присягой «подданных», о том, что он «новоосадил» подданных (всего 62 хозяина)

²² А. Я. Ефименко. Указ. соч., т. I, стр. 107, 114.

²³ О большем сроке не может быть и речи: в середине XVIII в., как показывают люстрации королевщин 1765 г., юг Правобережья был густо заселен (АЮЗ, ч. VII, т. III, Киев, 1905), причем население это старое, и слобожан там было очень немного. Приднепровье к югу от Канева было хорошо заселено десятилетиями раньше. По имеющимся сведениям о населении Межиречской волости (низовья р. Роси), в 1728 г. здесь существовали почти все теперешние села, и села эти большие: в с. Бабичах было 35 домов, Межирече — 30, Кононче — 86, Хмельной — 50, Пекарах — 42 дома («Описание архива западнорусских униатских митрополитов», т. II, СПб., 1907, стр. 61).

²⁴ Во второй половине XVIII в. в так называемых пустынных в конце XVII в. областях население составляло около 1,5 млн. человек (АЮЗ, ч. V, т. II, предисловие И. М. Каманина. Киев, 1890, стр. 216). Опубликованные люстрации 13 староств южной части Киевского воеводства 1765 и 1789 гг. (АЮЗ, ч. VII, т. III) свидетельствуют о том, что за 24 года (1765—1789) в указанных старостах население увеличилось на 24% (там же, предисл., стр. 7—8). Следовательно, если предположить, что воеводства Подольское, Брацлавское и южная половина Киевского в конце XVII в. были пустынными и заселялись в первые два—три десятилетия XVIII в., то за это время на их территорию переселилось не менее 500—700 тыс. человек.

²⁵ М. С. Грушевский. Илюстрована історія України, стр. 443.

²⁶ АЮЗ, ч. VI, т. I, прилож., Киев, 1876, стр. 156.

²⁷ Там же, ч. VII, т. I, стр. 550, 552.

²⁸ Там же, стр. 553.

²⁹ Там же, ч. VI, т. I, прилож., стр. 206—208.

в Приборской волости (на р. Тетерева, к северу от Киева, к югу от Чернобыля) ³⁰.

Об опустошениях во второй половине XVII в. воеводств Волынского и Русского и об уменьшении в них населения мы уже говорили.

Известно, что во второй половине XVII в. много жителей Правобережья переселилось на Левобережье, в пределы Русского государства. Многие из них возвращались обратно, однако число их отнюдь не могло составлять 500—700 тыс.: подавляющее большинство переселившихся на Левобережье успело обзавестись там хозяйством; нельзя забывать также, что крестьяне ненавидели магнатско-шляхетскую Речь Посполитую и поэтому уходили из пределов Русского государства под ее власть только при чрезвычайных обстоятельствах. Наконец, если бы при обратном движении на Правобережье за два-три десятка лет ушло 500—700 тыс. человек, то в начале XVIII в. на Левобережье наблюдалось бы заметное сокращение населения, чего на самом деле не было.

Можно предполагать, что количество переселенцев на юг Правобережья из Полесья, Волыни, Западной Украины, даже Левобережья в начале XVIII в. исчислялось тысячами, даже десятками тысяч, но никак не многими сотнями тысяч.

Еще менее правдоподобен в изображении буржуазной и дворянской историографии процесс восстановления хозяйства «пустынной» территории. Ясно, что разоренные переселенцы в несколько десятилетий не могли создать на громадной территории тысячи сел и городов. Вместе с тем нельзя поверить, что средства для этого предоставляли им феодалы. Даже крупные магнаты были обременены задолженностью и если брали ссуды, то не для «колонизации», а для поддержания своего образа жизни и уплаты неотложных долгов. В документах встречаются следы трат на восстановление хозяйства и «помощь» новопоселяющимся крестьянам, но чаще всего это траты не самих крепостников, а ростовщиков («заставных посессоров»), взявших у крепостника имение в залог. Кроме того, эти траты настолько незначительны, что на такие средства восстановить хозяйство страны было невозможно ³¹.

Роль «слобод» в восстановлении края также весьма преувеличена. Во-первых, слобод было не так много, и не все поселения возникли из них; во-вторых, слобожане получали льготы в большинстве не на столь длительный срок — 15 и больше лет ³², как писали буржуазные и дворянские историки. Наконец, крепостники южной части Правобережья относились к практике слобод с большой осторожностью.

В 1688 г. сеймик Брацлавского воеводства протестовал против слобод в Корчике, Полонном, бывших на Волыни, так как феодалы Брацлавщины опасались, что «своеволие собирающегося там хлопства» ³³ может «заразить» их хлопов. Мотивированное постановление против слобод вынес во время крестьянского восстания в 1702 г. сеймик Подольского воеводства.

Подольские феодалы, невзирая на большую нужду в хлопах, решили свести число слобод до минимума. Сеймик постановил закреплять крестьянина, если он высидит на слободе год. Во избежание «деморализации» крестьян долголетними льготами было постановлено, «чтобы дольше, чем три года слободы со времени прихода на слободу, каждый из них не имел...». Сеймик обязал всех владельцев имений провести это постановление в жизнь «под угрозой пени в 1000 монет и вечного изгнания» ³⁴. Шляхта Волынского воеводства на сеймике 1703 г. заявила,

³⁰ Там же, стр. 310—311.

³¹ А. И. Баранович. Магнатское хозяйство на юге Волыни в XVIII в., М., 1955, стр. 10—36, 138—164.

³² М. С. Грушевський. Ілюстрована історія України, стр. 443.

³³ АЮЗ, ч. II, т. II, стр. 474.

³⁴ Там же, ч. III, т. II, стр. 430—431.

что магнаты, создавшие слободы, не желая выдавать подданных, «возбуждают хлопство к войнам и бунтам»³⁵. Феодалы Киевского воеводства также были за ограничение слобод. Сеймик 1692 г. этого воеводства разрешил селиться на слободах только подданным, «пришедшим из чужих государств», и то с условием, что они будут считаться крепостными, если «засидят год и шесть недель слободы». «Подданных», бежавших от феодалов Речи Посполитой, сеймик считал нужным вознаграждать владельцам по первому требованию³⁶.

В нашем распоряжении имеются несомненные документальные свидетельства тому, что предстепная часть Правобережья (воеводства Подольское, Брацлавское и южная часть Киевского) не была в конце XVII — начале XVIII в. совершенно безлюдной «пустыней», в которой сохранилось только несколько городов (Каменец Подольский, Немиров, Белая Церковь, Шаргород) да десятка два тысяч жителей по окраинам этой пустыни.

Многочисленное население было в этот период в Подольском воеводстве. В 1700 г. в Каменец-Подольском после ухода из него турецких властей переписью было установлено, что в центре города много домов разрушенных и пустых, но около 100 домов заселенных³⁷ (сохранились ли многочисленные предместья и в какой мере — не известно). В 1702 г. в Подолии произошло крупное крестьянское восстание. На севере Подольского воеводства, в районе Межибожа Сатанова, в январе 1703 г. было около 3 тыс. повстанцев³⁸. Под Каменцем в июле 1702 г. собралось всеобщее ополчение шляхты — около 500 всадников; но даже такой отряд был бессилен подавить «хлопскую наглость» в этом районе³⁹. Все это свидетельствует о том, что Подольское воеводство не было «пустыней». В документах, относящихся к восстанию, упоминается множество городов и сел. Так, существовал город Гусятин и села вокруг него⁴⁰. Владелец одного такого села, называвшегося Ярмолинцы, жалуюсь на ограбление его «козаками» в 1702 г., подробно описывал свое богатое имение. Создать такое имение за два-три года невозможно, а его наличие заставляет предполагать большое количество зависимого населения⁴¹. Упоминаются поселения в центре и на юге воеводства⁴². Были города и села в восточной части воеводства⁴³. Не было пустым и Барское староство, как утверждает А. Я. Ефименко. В 1712 г. губернатор Барского староства составил список поселений, только что разоренных войсками Речи Посполитой, в который вошли почти все поселения староства; стало быть, они существовали в начале XVIII в. В списке 24 поселения: в Баре осталось «только» 77 хозяев, Головчинцах — 18, с. Луке — 19, с. Йолтушкове — 16 и т. п. Из оставшихся 331 хозяина обеспечены тяглом только 133⁴⁴. Следовательно, в начале XVIII в. здесь хозяев было значительно больше и тяглом они были обеспечены лучше.

Не менее густо было населено и Брацлавское воеводство. В 1703 г. в местечке Стрижавке (к северу от Винницы) было так много жителей, что они смогли разгромить хоругвь польской армии. В том же году упоминаются сотники в Погребищах, Немирове, «громады» немировские, ковалевские, прилуцкие⁴⁵. Есть данные о существовании между

³⁵ АЮЗ, ч. II, т. III, Киев, 1910, стр. 129.

³⁶ Там же, ч. II, т. II, стр. 502.

³⁷ Там же, ч. VII, т. I, стр. 556—583.

³⁸ Там же, ч. III, т. II, стр. 520.

³⁹ Там же, ч. III, т. II, стр. 469; ч. VIII, т. II, Киев, 1894, стр. 151—159.

⁴⁰ Там же, ч. III, т. II, стр. 608—609.

⁴¹ Там же, стр. 579—584.

⁴² Там же, стр. 511—512.

⁴³ Там же, стр. 535—536, 557—558, 560—562.

⁴⁴ Там же, ч. VIII, т. II, стр. 165—168.

⁴⁵ Там же, ч. III, т. II, стр. 612—614, 646—647.

Фастовом и Брацлавом сел Трилисы, Паволочь (около 100 дворов), Погребщице, Ломцы на Собе, городов Немиров (около 100 дворов), Брацлав («жилья мало», но две церкви; дворов в центре города — 15)⁴⁶. В южной части Брацлавского воеводства поселения тянутся далеко в глубь степи. В 1704 г. существовали многолюдный г. Ладыжин⁴⁷, г. Тульчин, южнее его — Кирносовка (судя по тому, что в ней церковь, — большое село), далее Тростянец (и здесь церковь), далее Ободовка (с церковью), за ней Луг (с церковью), г. Рашков, с. Строенец (с церковью), с. Рыбница (пустое), наконец Ягорлык (около 200 домов)⁴⁸. В Рашковском районе известны села Билоч, Молокиш, Каменка Днестровая. О значительном количестве жителей в Ягорлыцком старостве свидетельствует тот факт, что они смогли в 1704 г. разгромить и выгнать значительный польский отряд⁴⁹.

Населенные пункты были и по ту сторону границы, в степях, захваченных Турцией: в 20 км от Ягорлыка находились Дубосары, Беляковка (около 100 дворов), южнее — Ташлык (около 200 дворов)⁵⁰.

По мнению А. Я. Ефименко, южная половина Киевского воеводства уже к 1680 гг. была совершенно пустой. При этом А. Я. Ефименко ссылается на условия Бахчисарайского мира, заключенного в 1681 г. между Россией и Турцией, где есть обоюдное обязательство «от Киева до Запорожья, по сторонам Днепра, не устраивать городов и местечек», и на условия так называемого вечного мира (1686 г.) между Россией и Польшей, которыми решено было оставить в запустении разоренные замки и города от местечка Стаек вниз по Днепру и по реке Тясмину⁵¹.

Однако в условиях договоров, на которые ссылается А. Я. Ефименко, говорится о запрещении постройки городов, местечек, замков, о пустынности побережья Днепра; а Ефименко говорит о запрещении всяких построек, о пустынности всей Правобережной Украины.

Не было пустыней и Киевское воеводство. В 1683 г. производилась люстрация дымов Житомирского повета Киевского воеводства. Рассмотрим, идя с северо-запада на юго-восток, показания люстрации той части повета, которая не входит в территорию Полесья⁵².

В этой узкой полосе Житомирского повета — от Случи до Роси — люстрация показывает 1448 домов (города Мирополь, Чуднов старый и Новый, Пятки, Слободище, Бердичев, Кодня, Котельня, Паволочь, Фастов, Черногородка, Белая Церковь, Синява на Роси, Рокитно) и это не считая в большинстве городов домов шляхетских, а в Бердичеве солдатских. Кроме того, люстрация, как обычно, дает преуменьшенные цифры, так как владельцы имений постоянно обманывали люстраторов. Например, на время люстрации «в одну халупу загоняют несколько хозяев»⁵³. По люстрации 1683 г., в Паволочи было домов «подданных» 18, казаков — 5, евреев — 2, тогда как в инвентаре Паволочи того же года записано «подданных» хозяев 43, евреев — 3, всего — 46, не считая казаков⁵⁴. В Обуховичах, согласно люстрации, — 20 хозяев, а по инвентарю, — 28⁵⁵. Учитывая преуменьшение люстрацией числа домов, а также то обстоятельство, что в этом разоренном крае весьма часто в доме жила не одна семья, можно считать, что его население со-

⁴⁶ А. А. Русов. Указ. соч., стр. 78—79.

⁴⁷ АЮЗ, ч. III, т. II, стр. 628.

⁴⁸ А. А. Русов. Указ. соч., стр. 78—79.

⁴⁹ АЮЗ, ч. III, т. II, стр. 560—562, 622—624.

⁵⁰ А. А. Русов. Указ. соч., стр. 79—80.

⁵¹ А. Я. Ефименко. Указ. соч., т. I, стр. 99.

⁵² АЮЗ, ч. VII, т. I, стр. 495, 500, 503—507.

⁵³ Там же, ч. II, т. II, стр. 421.

⁵⁴ Там же, ч. VI, т. I, Прилож., стр. 152.

⁵⁵ Там же, ч. VII, т. I, стр. 494; ч. VI, т. I, Прилож., стр. 155.

ставляло более 9—10 тыс. человек. На северо-западе этой территории, в окрестностях Мирополя, Чуднова, вероятно, кроме городов, существовали и села. На юго-востоке, возле Фастова, Белой Церкви, сел не было и все население сосредоточивалось в городах. То же наблюдалось и в окрестностях Паволочи. По волостям Ружина, Вчерайшего, Городка ни в городах, ни в деревнях жителей не было⁵⁶. Люстрация района южнее Белой Церкви отсутствует, но из этого еще вовсе не следует, что там было безлюдно; наоборот, известно, что в 1680 г. появились казачьи полки Богуславский, Черкасский, Чигиринский⁵⁷. О том, что в 80-х годах население здесь увеличилось, свидетельствует, например, тот факт, что в 1686 г. Триполье было пустым, а в 1695 г., по сообщению летописца, татарская орда вырезала жителей ряда местечек, в том числе Триполья⁵⁸. В 1694 г. Палий писал Мазепе, что в окрестностях Фастова «обширные поля засеялись хлебами, умножились жители». В начале XVIII в. в окрестностях Фастова были села. Тракт из Киева «в государство Польское» конца XVII в.—начала XVIII в. шел через Фастов, село Кривое, Котельню, Слободку на Чуднов⁵⁹.

Не запустела южная часть Киевского воеводства и после Прутского мира. На основании дел о выдаче антиминсов, ремонте и закладке церковей можно утверждать, что после 1711—1712 гг. в староствах Чигиринском, Черкасском, Каневском, Корсунском и губерниях Смилянской, Мошенской, Лисянской остались прежние города и села с прежним населением⁶⁰.

Итак, во второй половине XVII в. в южных областях Правобережья, невзирая на большие опустошения, значительная часть населения сохранилась.

Дело в том, что вторжения войск Крымского ханства и Турецкой империи, как правило, были непродолжительны и кому удавалось на это время спрятаться, тот спасался. Люди укрывались прежде всего в укрепленных городах, которые татары обычно обходили⁶¹; зачастую не в силах были взять их войска Речи Посполитой. Так, в 1683 г. в южной части Житомирского повета, в районе, особенно страдавшем от частых переходов польской армии и нападений татар, мы видим города с многочисленным населением, хотя села вокруг пустые. В 1654 г., ожидая прохода татар через Украину, Богдан Хмельницкий писал во все города и деревни, «чтобы прятались, пока будут переходить татарские силы, в более крепкие города». Большое количество жертв татарского погрома летописец объяснял «легкомыслием» народа, не обратившего внимания на предостережение Хмельницкого⁶². В 1653 г., во время карательной экспедиции польской армии, в районах Буга — Днестра народ окапывался в местечках. Сильная польская армия не смогла взять многих городов Брацлавского воеводства⁶³. Можно было спрятаться в лесах, которых в те времена на Правобережной Украине было значительно больше, чем теперь. В 1668 г. была произведена перепись дымов Летичевского повета. Это было очень тяжелое время: в 1667 г. татары задержались в этом районе надолго и сильно разорили его. Согласно переписи, к юго-востоку от Летичева села Бухны, Сахны,

⁵⁶ АЮЗ, ч. VI, т. I, Прилож., стр. 152—154.

⁵⁷ А. Я. Ефименко. Указ. соч., т. I, стр. 102.

⁵⁸ АЮЗ, ч. VII, т. I, стр. 541; «Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный комиссией для разбора древних актов», Киев, 1888, стр. 269—270.

⁵⁹ Н. И. Костомаров. Указ. соч., стр. 495—496; А. А. Русов. Указ. соч., стр. 88.

⁶⁰ АЮЗ, ч. I, т. II, предисловие Ф. Лебединцева, Киев, 1864, стр. XXXIX—XL.

⁶¹ В Межибоже, например, было 35 постоянных домов «сельских людей, которые из-за частых нападений неприятеля имеют там свои халупы» (АЮЗ, ч. VII, т. II, Киев, 1890, стр. 531, 532, 537, 538).

⁶² Самійло Величко. Указ. соч., стр. 91.

⁶³ «Памятники, изданные Киевской комиссией для разбора древних актов», т. III, Киев, 1898, стр. 174—180.

Голенищев — пустые; «опустошено» и с. Лозны, однако «слышно о двух хлопах, которые живут в лесу». «Деражня Гатная — пустая, урочище», живут только в лесу 26 крестьян, «шалашами», «точнее бродяжничают». С. Деражня Кальненская — тоже лишь урочище, но в лесу более десятка хозяев «живет шалашами». Возле Деражни с. Малая Новоселка — «пустая», в лесу Дераженском и в Мыкитинцах «приютилось несколько хлопков»⁶⁴.

Села, расположенные в лесах, сохранялись целиком. Так, судя по описанию района к югу от Киева, сделанному в 1686 г., на р. Тиханая в лесистой местности и в низовьях Ирпеня в болотах и борах осталось 12 жилых сел и деревень⁶⁵.

Жители разоренных населенных пунктов, прятаясь в близлежащих городках и лесах, возвращались тотчас, как опасность миновала. Те же люстраторы дымов Летичевского повета 1668 г. отметили, что местечко Шаравка «после Браиловской и Подгаецкой войны» (1666 и 1667 гг.) «осталось сожженным и опустошенным», однако теперь (т. е. весной 1668 г.) здесь «построено из недогорелых» домов «около 30 халупок». В с. Череповой «теперь заново начали строиться и построили 10 халупок». С. Пархомовцы возле Межибожа в 1666 г. «сожжено и повоевано», а теперь «отстроилось несколько десятков халупок». С. Голосков, также около Межибожа, «было сожжено и разрушено до основания», «но так как люди спрятались в Межибоже и утратили не все имущество, теперь строятся вновь»⁶⁶. Таких новостроящихся сел в списке подымного указано большое количество.

При первой возможности жители возвращались в насиженные места. Когда удавалось бежать из татарского плена, бежали на родное пепелище. Крестьяне с. Ружичной во время Браиловской войны укрылись в соседнем Проскурове. Татары взяли город, и крестьяне попали в неволю, но в 1668 г. в Ружичной «несколько из них, выйдя из плена, построили 7 халупок». В самом Проскурове мы видим жителей, бежавших из татарского «заклочения». В Моломолинцах, возле Межибожа, разоренных в 1667 г., уже в следующем году «некоторые, уйдя из неволи, начали строиться, ничего не посеяв, ибо не имели чем»⁶⁷.

Восстанавливать хозяйство начинали сразу же после разорения, как только миновала непосредственная опасность. В Летичевском повете уже в 1668 г. строят в Горбашове, Марковцах, Новом Константинове, Волковцах, Шаравке, Череповой, Моломолинцах, Черешенках, Богдановке, Янковцах, Михалковцах, Михалполе, Ружичной, Пархомовке, Терешовке, Голоскове, Головчинцах, Кловачовке, Переговцах, Бахматовцах, Бизулинцах, Масовке, Журавлинцах, Чехах, Русановке⁶⁸. Так как война еще продолжалась и время было опасное, быстрее росли города, чем деревни. В 1668 г. местечко Михалполь, «на прежнем местопребывании сожженное, оселилось теперь от нового корня; много людей из других имений к той крепости из-за тревог прижалось и построилось; халупок их... 120»⁶⁹.

Сохранялись на Правобережье и старые феодальные владельцы. Так обстояло дело на юге Волыни, где старые феодалы владели землей и крепостными с очень небольшими перерывами, на протяжении всей второй половины XVII в., так было и в Подольском воеводстве. По мере изгнания турок, захвативших Подолию в 1672 г., феодалы возвращались в свои имения. В 1675 г. турки были изгнаны из всей Подолии, исключая крепостей. Поэтому здесь в начале XVIII в. были большие и

⁶⁴ АЮЗ, ч. VII, т. II, стр. 525—526, 528, 529.

⁶⁵ Там же, т. I, стр. 531, 534—536, 538—545.

⁶⁶ Там же, стр. 532, 534.

⁶⁷ Там же, т. II, стр. 534, 531, 533.

⁶⁸ Там же, стр. 524—538.

⁶⁹ Там же, стр. 530.

явно давние барские имения. Например, в 1702 г. в Ярмолинцах было барских 500 коп хлеба, 160 устьев, 40 коров и яловиц, винокурня и т. д.⁷⁰

В Брацлавском воеводстве в конце XVII — начале XVIII в. имения принадлежали потомкам прежних — начала XVII в. — собственников. Правда, они владели ими на протяжении второй половины XVII в. с большими перерывами (между 1660 и 1680 г.), чем собственники Подольского воеводства⁷¹.

В полесской части Киевского воеводства прежние феодалы владели имениями в течение всей второй половины XVII в. В 80-х годах старые шляхетные феодалы владели имениями и в северной полосе предстепной части Киевского воеводства. То же наблюдается и в конце XVII — начале XVIII в.⁷²

Разумеется, везде на Правобережье крестьяне несли феодальные повинности: в тех местах, откуда в XVII и начале XVIII в. были изгнаны шляхетские польские и полонизированные крепостники, оставались украинские церковные и светские феодалы, связанные с казацкой старшиной. В различных районах предстепного Правобережья в отдельные десятилетия второй половины XVII в. размер и форма феодальной эксплуатации были разными, но, как правило, чем дальше на юго-восток, тем повинности были легче. Основной формой феодальной ренты на южной Волини и в некоторых районах Подольского воеводства во второй половине XVII в. была отработочная рента, в Брацлавском и южной части Киевского воеводства — оброк (рента денежная и рента продуктами). Монополия феодалов на перемол зерна и продажу спиртных напитков обычно существовала во всех районах.

Определение действительных размеров опустошения Правобережья облегчает задачу выяснения способов его восстановления. Восстанавливали разрушенные села, города, хозяйства главным образом остававшиеся здесь крестьяне, которым удавалось спасти некоторые средства производства. Как они это делали, было показано выше на примере их восстановительной работы в Летичевском уезде в 1668 г. Им помогали многочисленные переселенцы, часть которых переселялась с кое-каким инвентарем и рабочим скотом.

Феодалы же скорее тормозили восстановление страны, чем содействовали ему. Жестоко эксплуатируя народ, они отнимали у него значительные средства, а «помощь» их новопоселяющимся и разоренным была очень мала. Магнатско-шляхетская Речь Посполитая не смогла охранить подвластную ей страну от турецко-татарской агрессии. Мало того, она сама ее опустошала. Разоряли Правобережье не только польские войска, подавляющие народные восстания, губительно влияла на состояние экономики страны также отсталость феодальных отношений и государственного строя магнатско-шляхетской Польши, тогда как воссоединившееся с Россией Левобережье было защищено Русским государством от вторжения татарских, турецких, польских агрессоров. Будучи в составе Русского государства, оно быстро развивалось, что для населения Правобережья являлось стимулом, усиливающим его борьбу за воссоединение с Россией.

Изложенное показывает несостоятельность утверждения буржуазной историографии о полных «приливе» и «отливе» населения предстепной Украины и для конца XVII — начала XVIII в.

⁷⁰ АЮЗ, ч. III, т. II, стр. 582—583.

⁷¹ Там же, ч. VII, т. II, стр. 501—524; там же, ч. II, т. II, стр. 471, 516.

⁷² Там же, ч. VII, т. I, стр. 487, 510; там же, ч. III, т. II, стр. 292, 317, 384, 386, 421

